

ДЕЙСТВЕННОСТЬ И ДИАЛЕКТИКА В ФИЛОСОФИИ КАРЛА МАРКСА¹

Товарищи! Если бы в этом зале присутствовал какой-нибудь академический профессор философии, он бы прежде всего был удивлен такой странной темой, как тема «Действенность и диалектика в философии Маркса». В истории философии вы очень мало найдете или, вернее, совсем ничего не найдете о философии Маркса. Обычно академический историк философии считает философом такого представителя отвлеченной мысли, который написал на специально философские темы три-четыре книги, а если больше, то лучше. Одна должна быть посвящена метафизике или теории познания, другая — логике, третья — этике, четвертая — философии религии, а пятая — введению в философию, которое является введением в его собственную философию или, точнее, в одно из господствующих идеалистических направлений. Таких книг Маркс, как известно, не писал, и потому творец диалектического и исторического материализма в глазах историков философии школьного типа не является философом.

Но в действительности есть другой критерий для оценки философа. Философом, я думаю, можно безошибочно назвать всякого мыслителя и теоретика, который в своих конкретных научных исследованиях умеет стать на общую точку зрения и открыть в самой действительности такие общие принципы, которые впоследствии становятся философскими предпосылками, оплодотворяющими положительное знание. С этой точки зрения величайшими философами XIX в. были Дарвин и Маркс.

«Происхождение видов» кажется на первый взгляд невероятной по своему количеству грудой фактов. Количество друг на друга нанизанных фактов даже затрудняет чтение этой замечательной книги. Но это невероятное количество разнообразных фактов служит к полному, исчерпывающему обоснованию великого диалектического закона, гласящего, что происхождение и развитие видов совершается на основании диалектического движения двух противоположных начал: наследственности и изменчивости. Теория происхождения и развития видов, выведенная при помощи терпеливого анализа фактического материала, нанесла несравненно более сокрушительный удар старому метафизическому мировоззрению, нежели самые тонкие отвлеченные рассуждения на тему о теории познания. В замечательной по своей классической простоте и глубокой искренности автобиографии Дарвин пишет: «Некоторые из моих критиков говорили обо мне: «Он несомненно превосходно наблюдает, но не умеет рассуждать». Не думаю, - спокойно замечает Дарвин, - чтобы это было верно, потому что «Происхождение видов» с начала до конца - один длинный аргумент, и оно убедило не одного умного человека». Да, «Происхождение видов» есть «один длинный аргумент», - иначе говоря, это знаменитое произведение проникнуто глубоко философским содержанием, так как разносторонний анализ фактов ведет с железной необходимостью к установлению одного общего закона.

Теория Дарвина опровергла самым убедительным образом основу старой

---

¹ Речь, произнесенная в 1923 г. на торжественном объединенном заседании (Комакадемии, Свердловского университета и ИКП) в память 40-летия со дня смерти К. Маркса и напечатанная в «Вестнике Комакадемии» в том же году.

метафизики - закон неподвижного тождества.

«Закон тождества, - читаем мы в «Диалектике природы» Энгельса², — в старометафизическом смысле есть основной закон старого мировоззрения: $a = a$. Каждая вещь равна самой себе. Все было постоянным - солнечная система, звезды, организмы. Естествознание опровергло этот закон в каждом отдельном случае шаг за шагом, но теоретически он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому. Вещь не может быть одновременно сами собою и чем-то другим. И однако естествознание в последнее время доказало в подробностях тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, перемену». Итак, по мысли Энгельса, идея тождества и неизменяемости *видов* являлась главной основой идеалистической метафизики, сущность которой сводится к признанию реальности понятия и тождеству *мышления и бытия*. Фактическое обоснование, точнее, обнаружение изменчивости видов, опровергло самым убедительным образом коренную основу идеализма и всегда связанное с идеализмом религиозное мировоззрение.

То, что сказал о своем произведении Дарвин, можно сказать о всех произведениях Маркса, и в частности о его *chef d'oeuvre*, о «Капитале». Все произведения Маркса пропитаны насквозь общефилософским началом, и в них мы видим при вдумчивом и серьезном рассмотрении «один длинный аргумент, который убедил не одного умного человека». Если перевести «Капитал» на отвлеченный философский язык, если развернуть всю сложную диалектику, отражающую сложную диалектику капиталистического общества в его развитии, то получим глубоко философское произведение, которое не только ни в чем не уступит «Феноменологии духа» Гегеля, а по существу сложнее его. И понимание диалектического развития социально-экономических категорий в отвлеченном облачении будет стоить большего напряжения, нежели следование за движением триумфальной колесницы его величества абсолютного духа.

Что же составляет сущность «длинного аргумента» в творчестве Маркса? Каковы отличительные черты его философской мысли? Всестороннего, исчерпывающего ответа, на этот важный вопрос нет возможности дать в краткой юбилейной речи. Да вы, товарищи, этого и не ждете сегодня.

Обычно философия Маркса в нашей литературе рассматривается историческим путем в следующем порядке: Спиноза, французские материалисты, немецкий идеализм, в частности Гегель, наконец Фейербах и затем Маркс. Путь исследования исторического развития философии марксизма несомненно правильный, да он уже указан самим Марксом и его великим другом и соратником Энгельсом.³ Но, идя этим правильным историческим путем, наши теоретики подчас приписывают предшественникам Маркса большую долю «марксизма», нежели это имело место в действительности.

Сделав это беглое замечание, я однако отнюдь не задаюсь целью в этой краткой речи подвергнуть анализу историческое развитие философской мысли Маркса и не думаю также определять размеры того огромного вклада, который внес Маркс в философскую область.

---

² «Архив», кн. II, стр. 37, изд. 1925 г.

³ Эта линия развития однако представляет собою лишь логическую линию развития философского специфика.

Сегодня я не намерена - и считаю наиболее целесообразным - выдвинуть один момент, момент чрезвычайно важный, имеющий решающее значение в философском мировоззрении Маркса, - это момент действенности.

Цельность, действенность, властное неугасаемое стремление преобразовать общественную действительность были основными чертами сильной натуры автора «Капитала». Уже восемнадцатилетний Маркс, находившийся еще целиком под влиянием философии Гегеля, т. е. будучи идеалистом, заявляет категорически в своем знаменитом письме к отцу, что его не удовлетворило написанное им произведение в духе немецкого абсолютного идеализма и что «он решил искать идею в самой действительности». Все существо его протестует против бесплодной спекуляции, толкая его на путь критической мысли и революционных действий. В своей диссертации, написанной со строго идеалистической точки зрения, посвященной резкой критике величайшего философа материалиста древности Демокрита, Маркс говорит, «что это психологический закон, что самоосвобожденный разум превращается в практическую энергию, становится волей, которая поднимает знамя протеста против мирской существующей действительности, лишенной разума». «То, что было внутренним светом, становится истребляющим племенем, стремящимся наружу». Это значит, что теоретический разум и познание должны превратиться в энергию и претвориться в волю, преобразовывающую действительность.

Принципом действенности проникнута с самого начала диалектическая мысль Маркса.

Это не случайность конечно, что Маркс определяет свое отношение к системе Гегеля в послесловии к «Капиталу». Диалектика, как уже упомянуто выше, составляет душу этого классического произведения. Но сущность диалектического движения у Маркса, как известно, иная, чем у Гегеля. «Мой диалектический метод, — говорит Маркс, — в своем основании не только отличается от гегелевского, но даже составляет прямую его противоположность». У Гегеля диалектика исходит из идеалистических начал, у Маркса она материалистическая... Но, несмотря на идеалистическую сущность системы Гегеля и даже в противоречии к этой идеалистической сущности, диалектика, по словам Маркса, «впервые сознательно разработана в гегелевской системе». Философа-революционера Маркса привлекает в диалектике прежде всего то, «что она объемлет не только положительное понимание существующего, но также и понимание его отрицания, его гибели, потому что она всякую осуществленную форму созерцает и в движении, а стало быть, как нечто преходящее, потому что ей, диалектике, ничто не может импонировать, потому что она по существу своему проникнута критическим, революционным духом». Совершенно очевидно, что в этих словах Маркса подчеркивается революционно-общественная сторона гегелевской диалектики. Но Маркс не только революционная натура, он гениальный, глубокий мыслитель. Для него поэтому ясно, что диалектика лишь тогда может стать революционным орудием, когда она вообще находит себе оправдание и подтверждение в самой действительности, — иначе говоря, когда диалектический метод мышления отражает действительный ход развития как в природе, так и в истории.

Связь идеализма с диалектикой — искусственная, незаконная. Идеализм, с

которым Гегель обвенчал диалектику, извращает и искажает действительность, представляя ее в фантастической и мистической форме. Диалектический метод мышления получит свое должное и надлежащее значение лишь при условии его применения к исследованию реальной действительности. Философией же действительности является, материализм. Но старый материализм, вплоть до феербаховского включительно, не лишен метафизических начал. Материализм, отвергая решительно и принципиально бытие бога и акт творения, всегда заключал в себе *implicite*⁴ идею развития. В произведениях французских материалистов XVIII в. встречаются там и тут мысли об истории развития той или другой отдельной области природы. Но мысли о развитии, встречающиеся у Гольбаха, Гельвеция, Ламетри, Дидро и т. д., имеют своей главной целью опровержение идей творения. Религиозная идеология феодального порядка определяла собою направление борьбы против нее французских материалистов. Основная задача в этой великой борьбе сводилась к возможности объяснить явления природы свойствами материи и движения. Все внимание сосредоточивалось таким образом не на восходящем усложнении процессов природы, а наоборот, их интересовала главным образом и исключительно возможность сведения к исходным началам. Для них важно доказать в противовес теологическому мышлению, что человек - не создание божье, а животное, не обремененное бессмертной душой, что он такой же механизм, как животное или растение.

Сущность и законы развития, изменения, исчезновения и возникновения новых свойств и новых явлений, как следствие усложнения процесса, оставались вследствие такого хода мысли в стороне, не замеченными. Благодаря такому направлению мышления закономерности низших областей механически переносятся на высшие области. Специфические, законы, — присущие сложным и новым образованиям, оказываются незамеченными.

Этот механический метод исследования, упуская из виду конкретное содержание и следовательно закономерность — новообразований и спецификумы отдельных областей, придавал материализму метафизический характер. Это относится к объяснению природы. Что же касается исторической науки, то материалисты, как известно, оставались в общем на идеалистических позициях.

Диалектика же в ее полном и положительном значении есть учение о формах и законах развития материальной конкретной действительности. Она следовательно органически связана с материализмом. Иначе говоря, диалектический метод, освобожденный от идеалистической мистификации, должен вытекать из того мировоззрения, объективной основой которого является материальная конкретная действительность во всем своем объеме.

Таким приблизительно путем сложился естественный синтез диалектики и материализма, — синтез, подсказанный объективно всеми достижениями научной мысли, всеми результатами общественно-исторического движения вообще и главным образом нарастающей силой мирового пролетариата, истинными выразителями которого являются Маркс и Энгельс.

Диалектика есть по своему внутреннему существу учение о формах развития реальной действительности. Она следовательно органически связана с материализмом. Диалектический метод, освобожденный от идеалистического

---

⁴ В скрытой форме.

плена, должен соединить себя с материализмом, и тем самым из материализма будут устранены присущие ему до сих пор метафизические элементы.

С первого взгляда может казаться, — а некоторым это в самом деле кажется, — что создание материалистической диалектики не требовало особых усилий и гениальной мысли, так как оба элемента — материализм и диалектика — находились в готовом виде и были налицо, — стоило только их сложить, как складывается арифметическая сумма из данных чисел.

Это конечно глубокая ошибка, свидетельствующая о полном непонимании диалектического материализма.

В концепции диалектического материализма старый материализм претерпел сильное и значительное изменение, а диалектика, хотя и тонко разработана в системе Гегеля, также получила другое направление в ее естественной связи с материалистическим началом.

Диалектический метод мышления при его материалистическом содержании является одним из самых сложных философских построений. Для его создания требовалось, во-первых, огромное знание фактического материала и из различных областей; во-вторых, большая изошренность и сила философского анализа; в-третьих, был необходим ум, совершенно свободный от традиций как идеалистических, так отчасти и материалистических приемов мышления старого, механического материализма.

Кантианцы, позитивисты и отчасти материалисты смотрели на диалектику Гегеля, как на пустую, бесплодную софистику, называя ее подчас фокусничеством, а отношение идеалистов к материализму известно.

Как истинный гений, Маркс видит вещи в их настоящем свете. Предубеждения против материализма, которые ему без сомнения должны были быть свойственны в его юношеский, идеалистический период, постепенно испаряются. С другой стороны, критический анализ системы Гегеля приводит его к заключению, что в диалектике Гегеля кроется здоровое зерно, которое на плодотворной почве может дать богатые плоды... Этой плодотворной почвой оказался материализм.

Позвольте, товарищи, теперь перейти к главной теме моей речи — к проблеме действительности и связи этой последней с диалектикой.

Но что такое диалектика сама по себе взятая как метод, в чем ее сущность?

Диалектика чрезвычайно сложное воззрение. Изложение ее принципов в их различном проявлении в природе и истории требует много места.

Я поэтому ограничусь краткими формулировками ее основной сущности.

Диалектика исходит прежде всего из отрицания абсолютизма формальной логики.

«Основных законов» формальной логики считается три: 1) закон тождества, 2) закон противоречия, 3) закон исключенного третьего.

Закон тождества гласит: A есть A , или $A = A$.

Закон противоречия: A не есть *non* A . Этот закон представляет собою лишь отрицательную форму первого закона.

По закону исключенного третьего два противоположных суждения, исключаящих одно другое, не могут быть оба ложны. В самом деле, A есть или B или не B ; справедливость одного из этих суждений непременно означает ошибочность другого и наоборот.

Все три закона сводятся в конечном итоге к одному первому коренному закону:
 $A = A$.

Если под эту алгебраическую формулу подставить более конкретное содержание, то это значит, что вещь всегда равна сама себе, — иначе говоря, — данная вещь всегда одна и та же, или еще иначе: она во всякий данный момент существует абсолютно.

Диалектика утверждает, наоборот, что существование данной вещи во всякое время *не абсолютно*. Вещь существует и не существует, так как она носит в себе элементы для ее отрицания, т. е. для ее превращения в другую вещь.

Для большей ясности этого основного принципа диалектики приведу выдержку из «Феноменологии духа» Гегеля. «Почка, — говорит Гегель, — пропадает при распускании цветка, и можно сказать, что она вытесняется этим последним; точно так же через появление плода цветок оказывается ложным бытием растения и вместо него выступает плод как истина растения. Эти формы не только различаются, но вытесняются, как непримиримые друг с другом. Но их переходящая природа делает их вместе с тем моментами органического единства, в котором они не только не противостоят друг другу, но один столь же необходим, как другой, и эта равная для всех необходимость образует жизнь целого».

Воспользуемся приведенной выдержкой прежде всего для выявления коренного различия между диалектическим идеализмом Гегеля и диалектическим материализмом Маркса. С точки зрения диалектического идеализма Гегеля истинной, подлинной действительностью отличается идея растения. Конкретные ее моменты — почка, цветок и плод — являют собою *ложное* бытие, они суть инобытие и самообнаружение движущейся идеи. С точки зрения Маркса почка, цветок, плод суть различные формы движения материи, а общая идея растения есть «переведенное и переработанное в человеческой голове материальное бытие» всего процесса. Почка, цветок и плод, несмотря на их преходящее существование, представляют собою *не ложное* бытие, а истинную, конкретную действительность.

Перейдем к моменту действительности и воспользуемся тем же примером из Гегеля. Садовник, направляя свою целесообразную деятельность на выращивание плода, является бессознательным диалектиком. Как классический *m-r* Журден у Мольера не знал, что он говорит прозой, так и садовник, предполагая, что почка дает в результате процесса плод, не знает, что он руководствуется диалектическим взглядом на' противоречивую действительность.

И ясно таким образом, что целесообразная деятельность садовника, обусловленная результатом получения плода, возможна лишь при диалектическом взгляде на все конкретные моменты и на их возможное превращение или, выражаясь словами Гегеля, на их самоотрицание. И с точки зрения деятельности садовника эти формы не только различаются, но вытесняются как непримиримые друг с другом. В содействии этому вытеснению и состоит целесообразная деятельность садовника. Если бы садовник оставался на почве формальной логики и твердо держался закона тождества, что $A = A$, и что следовательно почка есть почка и не более, - он должен был бы оказаться в чисто созерцательном состоянии, т. е. не предпринимать никаких действий. То же самое относится и ко всякой целесообразной деятельности без всякого исключения. *Деятельность предполагает возможность изменения предмета воздействия, а возможность*

воздействия является следствием диалектического движения.

Но если всякая целесообразная полезная деятельность предполагает с неотвратимой необходимостью сознательное или бессознательное диалектическое отношение к действительности, то в эпоху промышленности трансформация материи совершается с все большей и большей степенью интенсивности. Диалектическое движение всех процессов выступает с особенной силой и особенной выразительностью.

Диалектическое движение в области производства является первоосновой диалектических процессов в общественной жизни, где они проявляются с особенной сложностью и где диалектическое движение приобретает специфические формы, отличные от диалектического движения в природе.

Далее, в теснейшей связи с принципом действительности и диалектическим воззрением на действительность находится учение Маркса о роли и значении орудий труда. «Орудие труда, — говорит Маркс, — это предмет или совокупность предметов, которые рабочий ставит между собой и объектом труда и которые служат проводниками его воздействия на данные объекты труда. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тел, чтобы соответственно своей цели заставить их действовать как силы на другие тела». ⁵ «Само данное природой вещество становится органом деятельности человека, - органом, который он присоединяет к своим собственным органам, удлиняя таким образом вопреки библии свое тело». ⁶ Совершенно очевидно, что процессы целесообразного труда всех форм без всякого исключения представляют собой диалектическое движение, в котором орудие труда составляет основную двигательную объективную силу; Во-вторых, употребление орудия труда для целесообразного изменения предметов скрывает в себе отрицание абсолютного, неподвижного характера нашей собственной природы. Вопреки библии человек удлиняет свои органы, которые впоследствии изменяют его собственную организацию.

Перейдем теперь к вопросу о взаимоотношении диалектики и законов формальной логики.

Критики диалектического метода мышления обычно отождествляли диалектику с софистикой, или, более того, они сводили диалектический взгляд на вещь к безнадежному патологическому скептицизму, ведущему к пассивности. Диалектика гласит, что вещь существует и не существует в одно и то же время. Будем пользоваться все тем же примером.

Садовник рассуждает диалектически. «Почка есть почка и не почка».

Такое двойственное, неопределенное отношение к предмету воздействия должно, по мнению противников диалектики, лишить всякой возможности действовать. Посмотрим, так ли это. Садовник рассуждает диалектически. Допустим на минуту, что садовник сознательный диалектик: «Почка есть почка и не почка». С виду выходит, что такой шаткий и неопределенный исходный пункт в самом деле уничтожает с самого начала самую возможность какого бы то ни было действия. Благодаря такому взгляду на почку нашему диалектику ничего как будто не остается, как отдалиться поэтическому созерцанию противоречивой почки.

Такое возражение было бы вполне основательным, если бы диалектика

---

⁵ «Капитал», т. I, стр. 110, 2-е изд, под ред. П. Струве.

⁶ Там же.

исключала основные законы формальной логики. В действительности это не так. Диалектика не только не исключает, но, наоборот, включает формальное логическое мышление.

В данный момент почка выступает той своей качественной стороной, которая определяет ее как почку и благодаря которой она не есть будущий цветок. Следовательно закон тождества $A = A$ сохраняет всю свою силу. Во-вторых, почка отличается от других предметов, и она, стало быть, и в этом отношении равна сама себе, а не другому предмету. В-третьих, почка как единство двух противоположных борющихся начал также равна сама себе ($A = A$) и не равняется какому-нибудь другому единству из другого процесса, — скажем, единству исходного пункта процесса развития лягушки - яйцу.

И еще далее. Весь означенный процесс — почка, цветок, плод как единство растения — также выражается в законе тождества $A = A$. Этот процесс отличается от процесса развития лягушки. Стало быть, если первый процесс обозначить через то же A , а второй через *поп* A , то получим закон противоречия, т. е. A не равняется *поп* A .

Мы видим таким образом, что оба принципа — принцип диалектики и принцип формальной логики — составляют своего рода *единство*. Законы формальной логики *суть отражение индивидуализации вещей, а также процессов как целых отдельных единств*. Диалектическая же логика рассматривает вещи с точки зрения их развития, т. е. с точки зрения соединения в каждой вещи противоречаще-противоположных свойств, обуславливающих весь диалектический процесс и его результат.

Как познание, так и деятельность определяются обоими принципами - диалектическим и формально-логическим.

Тот же садовник, сам того не зная, действует на основании диалектики и формальной логики.

Но действуя бессознательно в том смысле, что ему не известны ни диалектика, ни формальная логика в их теоретическом обосновании, он тем не менее является бессознательно в потенции больше сторонником формальной логики, нежели диалектики.

Если бы какой-нибудь теоретик формальной логики стал уверять садовника, что почка есть почка, а не что-либо другое, он бы конечно посмотрел на такого просветителя как на величайшего чудака, который от нечего делать повторяет всем известные вещи. Просветитель казался бы чудаком именно потому, что проповедуемая им истина ни в ком не может возбуждать сомнения. Но если бы защитник диалектики вздумал доказывать нашему садовнику, что почка есть и почка и не почка, и что он сам, садовник, руководствуется бессознательно таким определением, когда оказывает содействие созреванию плода, он на такого просветителя посмотрел бы как на человека, лишившегося ума. Чем же объясняется такое различие в сознании? Почему логически формальный взгляд на вещи вполне ясен и приемлем, в то время как диалектическое воззрение, которым каждый человек фактически руководствуется в своей деятельности, представляется сплошным безумием? Прежде всего это различие обуславливается тем важным обстоятельством, что непосредственному восприятию окружающей среды мир представляется в виде отдельных, самостоятельно существующих друг от друга

независимых вещей, между тем как сознание процессов развития требует глубокого проникновения и постижения связи вещей, которая скрыта от непосредственного восприятия.

Этим объяснением корня указанного различия не исчерпывается однако весь вопрос, так как могут быть представлены возражения с указанием на то, что существовали и существуют мыслители, которым нельзя отказать в глубине теоретического мышления и Которым чужд диалектический взгляд на окружающую действительность. А поэтому полный и хотя бы более или менее исчерпывающий ответ на поставленный вопрос требует весьма сложного анализа, которым я надеюсь заняться в другом месте и в другой связи, а пока ограничиваюсь сказанным.

В заключение позвольте еще раз подчеркнуть, что философия Маркса, начиная с ее философских предпосылок и кончая социально-политическими выводами, насквозь проникнута диалектикой и принципом действенности.

В настоящую эпоху, полную крупных и серьезных исторических событий, полную сильных потрясений, главный принцип марксовской философии — действенность — должен стать главным, всепроникающим началом великой марксистской армии; но действенность в духе философии Маркса, т. е. — на основе диалектического проникновения в процессы реальной действительности и учета реальных, объективных условий. В частности нуждается Россия в усиленной действенности, в развитии творческих сил и способности к упорному и настойчивому труду. Можно сказать словами гётевского Фауста, который после всех мучительных исканий пришел к принципу действенности:

Ein Sumpf zieht am Gebirge hin,
Verpestet alles schon Errungne;
Den faulen Pfuhl auch abzuzieh'n,
Das Letzte war das Hochsterrungne.⁷

Но действенность Фауста была направлена на развитие капитализма; наша же действенность имеет своей великой исторической целью строительство социализма.

---

⁷ У гор тянется болото, отравляет все достигнутое. Осушить гнилую лужу было бы высшим достижением.